

тот самый „партес“, который выпущен из виршей, хотя и является их составной частью; а в данном месте — злой сатирой, самой „солью“ всего этого места. Если бы оно было сохранено, то послужило бы хорошей иллюстрацией и подтверждением справедливой мысли автора о семинарском происхождении вышеприведенных строк. Соответствующая им короткая строка напева с названиями нот — образец распространенной в семинариях системы зубрежки „партесного“ пения по гласовым оборотам напева с наименованиями „партесных“ нот.

Настоящие примеры приведены не потому, что мы пытаемся снизить достоинства того или иного труда. Они избраны лишь как очень показательные образцы, характеризующие самый подход к делу, свойственный многим исследователям, подход, который приходится наблюдать и в наши дни.

Возьмем для примера духовные стихи — „покаяльны“, „умиленные“ и т. п. Найти их можно довольно часто в крюковых певческих сборниках как пометного, так и беспометного периодов; это свидетельствует о том, что они представляют собой вид духовных стихов, бытовавший в течение долгого времени. Если так — это означает, что за время их существования напевы их должны были претерпеть те же изменения и пройти тот же путь развития, как те, что были проделаны всей системой знаменного пения.

Можно ли изучать тексты „покаяльнов“ в отрыве от их напевов? Нет, нельзя. Один тот факт, что „покаяльны“ предназначались для пения уже доказывает, что между напевом и текстом существует такая связь, которую порывать невозможно без ущерба для правильного понимания каждого из этих элементов, а тем самым и всего целого.

Откуда все эти, на первый взгляд непонятные словообразования, вроде:

„Егда родиховеса, не вемо,
како возрасте и како зачяхося,
но токмо уведе от блаженнаго пророка Давыда и царя
от его богодухновенных песней“ — и т. д.¹

Автор в примечании указывает, что „в издаваемой рукописи ярко выражено хомовое письмо, воспроизводящее систему пения, при которой конечные и внутри слова стоявшие *ер* и *ерь* произносились как *о* и *е*“.

Из этого безусловно справедливого по мысли примечания следует, что странные словообразования текста являются результатом системы хомового пения. Следовательно, если бы возможно было обратиться к какому-либо другому образцу этого же стиха, относящемуся к более раннему времени, то раздельноречные формы текста должны были бы оказаться иными. Поэтому приведенный текст не отражает в себе системы

¹ Цитируем по В. И. Малышеву: „Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии»“. Труды Отдела древне-русской литературы Института литературы, V, стр. 143.